

УДК 347.1

**ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ УЧЕНИЯ О НОРМАХ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

Забелин Д. Н.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье излагаются результаты исследования проблемы правовых норм в правоприменительном аспекте. Признается, что правовая норма приобретает юридическую силу именно через нормативный правовой акт, которым она установлена и который был принят компетентным государственным органом. Но она не должна отождествляться с фрагментом нормативного текста. Для целей правоприменения необходимо выделение «элементарной правовой нормы» по аналогии с «элементарным правоотношением», которое предложил выделять Н.Г. Александров. «Элементарную правовую норму» возможно выделить, идя от нормативного текста к правоотношениям, выделяя «элементарное правоотношение», а затем – и «элементарную правовую норму». Выделение «элементарной правовой нормы» открывает возможность рационального применения, в частности правила «*lex specialis derogat generali*».

Для целей правоприменения важно также использовать как методологические средства понятие гипотезы и диспозиции правовой нормы.

Ключевые слова: правовая норма; правоотношение; элементарное правоотношение; элементарная правовая норма; гипотеза; диспозиция.

Правовые нормы в отечественной юридической науке исследуются уже в течение длительного времени. Однако они никогда не исследовались в правоприменительном аспекте. Это придавало учению о правовых нормах однобокий характер и не позволяло, в частности, разрешать на рациональной основе коллизии между правовыми нормами, которые (коллизии) обнаруживаются в процессе правоприменения. Да и вообще отсутствие правоприменительной направленности исследований правовых норм снижает уровень учения о правовых нормах, лишает признака конструктивности анализ соответствующих правовых явлений и снижает ценность результатов исследования. С учётом изложенного, обращение к исследованию правоприменительного аспекта правовых норм следует признать актуальным.

Исследования проблем правовых норм в отечественной юридической науке осуществлялись Н. Г. Александровым, Б.В. Шейншлиным, Ю. Г. Ткаченко, А. Я. Берченко, П. Е. Недбайло, С. С. Алексеевым, В. М. Шафировым, В.А. Беловым и другими учеными.

Целью настоящей статьи является попытка обоснования такого понимания категории правовой нормы, которое можно было бы использовать для целей создания теоретических основ разрешения коллизий между нормами гражданского права, применения к гражданским правоотношениям правила «*lex specialis derogat generali*».

Прежде всего необходимо выяснить, какое юридическое явление обозначается термином «*lex*» в приведённом выше правиле правоприменения. Уже в Древнем Риме указанному термину придавалось несколько значений [1, с. 178-179]. Из них с учётом темы настоящей статьи важно обратить внимания на два значения термина «*lex*» – закон (как акт, содержащий правовые нормы, а возможно, даже и положения (условия) индивидуального характера) и правило поведения (правовая норма). В наше время термин «*lex*» обычно переводится как «закон». Но когда речь идёт о

применении правила «*lex specialis derogat generali*», то возникает необходимость в том, чтобы закон и правовую норму различать, что часто не делается.

Так, А.С. Еременко в докторской диссертации, посвященной исследованию теории и методологии гражданского права, пришел к выводу о том, что «гражданский закон, понимаемый ... в узком позитивно-правовом смысле, есть система норм гражданского права, которые составляют гражданское законодательство данной конкретной правовой системы» [2, с. 201]. В этом коротком высказывании закон отождествляется с системой норм; система норм – с законодательством; а законодательство признается частью правовой системы. Полагаем, что так понимать соотношение права и закона (законодательства) нельзя.

Н. А. Власенко, исследуя проблемы коллизий в праве, сформулировал такую мысль: «Для устранения коллизий между общими и специальными правовыми нормами практикой выработана специальное коллизионное правило «*lex specialis derogat generali*» (специальный закон отменяет действие общего)» [3, с. 87]. Следует согласиться с автором в том, что приведенное правило используется для разрешения коллизий между общими и специальными правовыми нормами. Но тогда в переводе приведённое латинское выражение должно выглядеть как «специальная правовая норма отменяет действие общей». Между тем, взаимозаменяемость терминов «правовая норма» и «закон» в правиле «*lex specialis derogat generali*» стала едва ли не общепринятой, с чем никак нельзя согласиться. Более того, утверждается, что ещё римскими учёными установлен приоритет специального закона, устанавливающего исключение из правила, над общим законом, устанавливающим общее правило, а многолетняя правовая практика в России привела к законодательному утверждению данного приоритета в виде преимущества отраслевых кодексов перед другими законами. «Например, в ст.2 Бюджетного кодекса РФ предусмотрено, что акты бюджетного законодательства не могут противоречить Кодексу» [4, с. 33]. Между тем, правило «*lex specialis derogat generali*» и устанавливаемое волей законодателя преимущество одного федерального закона перед другим - это не только разные, но и не совместимые явления. И. Н. Васев указывает даже на то, что «тиражирование принципа «*primus inter pares*» приводит» подчас к явно нелепым последствиям [5, с. 105]. И с этим нельзя не согласиться, хотя законодатель упрямо идёт по пути утверждение преимущества кодексов перед другими законодательными актами, и осталось лишь несколько кодексов, в которых законодатель не включил положения об их преимуществе перед другими законодательными актами.

Но тот же И. Н. Васев ставит задачу «доктринального порядка: привить правоприменителю способность по интуитивному обнаружению незримой границы между внешне схожими общей и специальной нормами» [5, с. 90]. Заметим, что это - весьма странная задача, поскольку наука - это область сугубо рационального, а интуицию специалист развивает в процессе рациональной познавательной деятельности, как бы мимоходом. Поэтому задача привития способности к интуитивному постижению сущности вещей вряд ли выполнима. Указанное интуитивное «обнаружение состоит, - по мнению И. Н. Васева, - в выяснении принадлежности конкретной правовой нормы к конкретному институту права и последующем выяснении характера всего института - как общего или специального» [5, с.90]. Это уже само по себе вызывает возражения поскольку разрешение коллизий между общими и специальными нормами не предполагает, что и соответствующие правовые инсти-

туты будут квалифицироваться как общие и специальные. Но на проблемах, не выходящих за пределы системы права (т.е. на проблемах правовых норм и институтов), автор не останавливается. Обнаружив различия в диспозициях двух правовых норм (на самом деле эти различия не выходят за пределы лингвистики) с одинаковыми гипотезами (нормой, которая была установлена п.3 ст.103 ГК РФ и действовала до 1 сентября 2014 г., и нормой, установленной ст.69 Федерального закона «Об акционерных обществах»), И. Н. Васев приходит к выводу о том, что установленная названным Федеральным законом правовая норма является специальной только потому, что она установлена специальным законом [5, с. 89-90]. Представляется, что применение правила «*lex specialis derogat generali*» в данном случае не имеет ни законодательных, ни логических оснований. Надо просто проявлять больше уважения к воле законодателя и совершенно логично отдавать предпочтение той воле, которая была выражена позднее (если только это не будет противоречить логике законодательства, как в случае с коллизией между ранее установленной специальной нормой и позднее установленной общей правовой нормой).

Таким образом мы должны вести речь о преимуществе при правоприменении именно специальной правовой нормы, (а не специального закона как нормативного правового акта и не правового института), а для этого необходимо уяснить, какое именно явления обозначается термином «правовая норма».

К сожалению, общепринятые определения правовой нормы не дают возможности увидеть указанное явления, прежде всего, в аспекте его соотношения с положением законодательства, в котором соответствующая правовая норма закреплена. Так, С. С. Алексеев видел «особенности правовой нормы как первичной элементарной клеточки права» в том, что она мыслима «в виде реального фрагмента правовой ткани... находящегося прямого выражение в тексте нормативного или иного правового акта» [6, с. 36]. Между тем, в специальном исследовании признается существование не только прямо выраженных в нормативных актах правовых норм [7, с. 179 -211]. Даже и текстуально закрепленные в актах законодательства правовые нормы далеко не всегда бывают прямо выраженными. А есть еще огромный массив правовых норм, которые в текстах положений актов законодательства вообще не выражены, закреплены лишь логически. В философии права понимание проблемы текстуально не выраженных правовых норм существует. Так, И.П. Малинова пишет, что текстам «присуща содержательная удвоенность: определенная система значений артикулируется в них (текстах) первоначально и с учетом этого является очевидной, но за этой очевидностью прячется вторичная система значений, для которой первая является формой репрезентации [8, с.82]. Текстуально не выраженные правовые нормы невозможно представить без пробела «в виде реального фрагмента правовой ткани, находящегося прямого выражение в тексте правового акта». Создается впечатление, что дальнейшее игнорирование правовых норм, не нашедших прямого выражения в текстах актов законодательства, становится преградой на пути развития исследований правоприменительных аспектов права вообще.

Не менее сложной является и проблема объема юридического содержания, который можно «втиснуть» в понятие правовой нормы. В этой связи следовало бы отказаться от понимания правовых норм как неких «полуфабрикатов». Между тем, такое понимание правовых норм в науке обосновывается уже давно. В свое время П.Е. Недбайло утверждал, что право и обязанность не должны совмещаться в одной пра-

новой норме [9, с. 72]. В новейшее время В.М. Шафиров доказывает необходимость исключения случаев закрепления правил поведения, в которых происходит смешение (совпадение) прав и обязанностей [10, с.93]. Позволим себе не согласиться с этой позицией. Право и обязанность в содержании правовой нормы неразделимы, хотя бы право и было закреплено текстуально, а обязанность – только логически или наоборот. Иначе правовая норма утратит способность регулировать общественные отношения (будет воздействовать только на одну сторону отношений). Следовало бы учесть научное положение, сформулированное классиком мировой юриспруденции Г. Кельзеном: «... Соответствующее обязанному поведению поведение того индивида, по отношению к которому существует обязанность, уже соопределено в поведении, образующем содержание обязанности. И если соотношение между индивидом, по отношению к которому другой индивид обязан вести себя определенным образом, и этим другим индивидом обозначить как «право», то это право есть лишь отражение этой обязанности» [11, с.165]. Следовательно, в текстуальном закреплении субъективного права в законе обычно нет необходимости вообще.

Конечно, содержание правовой нормы предопределяется содержанием соответствующих положений актов, но попытка «втиснуть» такое положение в одну правовую норму не всегда возможно даже в тех случаях, когда это положение выражено одним предложением. Возьмём для примерного анализа п.1 ст.1070 ГК РФ: «Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом». Исходя только из текста приведённого законодательного положения нельзя дать однозначный ответ на вопрос о том, установлена этим положением одна правовая норма или пять, либо даже шесть правовых норм с разными гипотезами и тождественными диспозициями. Нельзя ответить даже на вопрос о том, одна или две правовые нормы устанавливаются положением о том, что в соответствии с п.1 ст.1070 ГК РФ возмещается вред, причинённый в результате незаконного применения в качестве меры пресечения заключение под стражу или подписки о невыезде (одна из них будет распространяться на отношения по поводу применения заключение по стражу, а другая - подписки о невыезде).

Между тем ответы на поставленные вопросы важны и в теоретическом и в практическом отношениях. Если мы признаем, что существует отдельная правовая норма, предусматривающая возмещение вреда, причинённого в результате незаконного осуждения, то она будет специальной по отношению к общей правовой норме, установленной положениями предложения второго п.2 ст.1070 ГК РФ («вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу»). Если же мы будем отрицать существование указанной отдельной специальной правовой нормы и при-

знать единую правовую норму, установленную п. 1 ст.1070 ГК РФ, то коллизия между этой единой правовой нормой и правовой нормой, установленной положением предложения второго п. 2 ст. 1070 ГК РФ, и вообще окажется логически не разрешимой, поскольку сферы действия этих правовых норм частично будут совпадать, что будет исключать применения правила «*lex specialis derogat generali*», а других рациональных средств разрешения этой коллизии не существует.

В поисках путей решения проблемы объема содержания правовой нормы обратимся к мысли Н.Г. Александрова о том, что «юридическая норма... всегда представляется собой именно идеальное выражение правоотношения...» [10, с.8], а также к сформулированному тем же автором научному положению о «правовом отношении в его элементарном виде», которое должно выделяться в структуре сложного правоотношения [12, с.18,20]. Эти идеи представляются в высшей мере плодотворными, а сожаление следует выразить только по поводу того, что автор не стал выделять сложные правовые нормы и правовые нормы в «элементарном виде», хотя такое выделение логически следует из сформулированных им положений о юридической норме как идеальном выражении правоотношения [12, с. 9] и о недопустимости отрыва норм от правоотношений и правоотношений от норм [12, с. 11]. Между тем именно «правовые нормы в элементарном виде» и являются теми правовыми нормами, которые составляют содержание соответствующей категории правовой науки. Именно эти правовые нормы должны иметься в виду, когда речь идёт о применении правила «*lex specialis derogat generali*».

Выделение «правовых норм в элементарном виде» возможно и тогда, когда текст соответствующего законодательного положения по своей структуре не дает для этого каких-либо оснований, если только будет установлено, что на основании данного законодательного положения возникает не одно, а два «элементарных правоотношения». Так, ст. 606 ГК РФ устанавливает правовую норму, которая обязывает арендодателя предоставить имущество арендатору во временное владение и пользование. «Предоставить» в контексте рассматриваемого законодательного положения означает совершить два действия - передать предмет аренды арендатору и предоставить арендатору возможность владеть и пользоваться арендованным имуществом (создавать для этого необходимые условия и не создавать препятствий для этого). Поэтому, как минимум на основании п.1 ст.606 ГК РФ возникает два правоотношения: основное обязательство, в котором арендатор несёт обязанность предоставить арендатору возможность владеть и пользоваться арендованным имуществом и дополнительное обязательство, в котором арендодатель несет обязанность передать имущество во владение арендатору. Соответственно должны выделяться и две правовые нормы.

В то же время операции с положениями актов гражданского законодательства, возможно, не могут быть признаны допустимыми в тех случаях, когда в них употребляется термин, обозначающий родовое понятие, а элементарные нормы будут выделяться через видовые понятия, охватываемые соответствующим родовым понятием. Так, для сопоставления правовых норм, установленных п.1 ст.164 ГК РФ (в ней речь идёт о государственной регистрации сделок) и п.3 ст.433 ГК РФ (в ней речь идёт о регистрации договоров), и разрешение коллизий между ними недопустимо было бы единую (элементарную) общую правовую норму, установленную п.1 ст.164 ГК РФ, разделить на две правые нормы, одна из которых распространялась

бы на односторонние сделки, а другая на двусторонние (договора). Отличие этого примера от рассмотренного выше (связанного с правовыми нормами, установленными ст.606 ГК РФ) заключается в том, что термин «предоставление имущества во владение и пользование» не является родовым по отношению к терминам «передать» (передача) и «предоставить возможность владеть и пользоваться» (предоставление возможности владеть и пользоваться). Предоставление имущества во владение и пользование – это собирательное понятие, состоящее из понятий передачи и предоставления возможности владеть и пользоваться имуществом. Два понятия обуславливают существование двух указанных выше правоотношений (обязательств), основанных на п.1 ст.606 ГК РФ, и двух правовых норм, текстуально закреплённых в названном пункте.

Использование категории правовой нормы как методологического средства правотолкования и правоприменения предполагает необходимость полной реабилитации логически закреплённых в актах законодательства правовых норм. В российской науке гражданского права логически закреплённые правовые нормы впервые исследовал Е.В. Васьковский [13, с. 281-361]. Несмотря на высокие оценки, которые были даны результатам осуществленного Е.В. Васьковским исследования в советское время С.Н. Вильнянским [14, с. 46], а в современной юридической литературе – В.А. Беловым [15, с. 28-29, 38], несмотря на признание идеи логически закреплённых правовых норм учёными, которые специально исследовали проблемы правотолкования в теоретико-правовом аспекте (А.Ф.Черданцев [16,17,18] и применительно к интерпретации международных договоров (И.С. Перетерский [19, с. 128-129]), логически закреплённые правовые нормы не получили признания ни в науке, ни в судебной практике.

В судебной практике вообще замечаются явления, которые иначе чем парадоксальными, назвать нельзя. Так, правовая норма, которая текстуально была закреплена в части четвёртой ст.261 ТК РФ (в редакции до внесения изменений Федеральным законом от 12 ноября 2012г. №188-ФЗ) запрещала расторжение трудового договора с соответствующими категориями женщин. Конституционный Суд РФ Постановлением от 15 декабря 2011 г. №28-П признал не соответствующей Конституции РФ положение части четвёртой ст.261 ТК РФ (в указанной редакции) в той мере, в которой оно не даёт такой же льготы соответствующей категории работников – отцам малолетних детей. Но о мужчинах – отцах малолетних детей в тексте упомянутого законодательного положения речь вообще не идёт. Поэтому целесообразно было бы указать на то, что в части четвёртой ст. 261 ТК РФ, которая действовала до внесения в неё упомянутых выше изменений, логически закреплена правовая норма, которая обнаруживается при толковании при помощи вывода «*a contrariio*» и в соответствии с которой, не допускается предоставление льготы, установленной частью четвёртой ст. 261 ТК РФ, мужчинам, хотя бы они и были отцами малолетних детей. Но Конституционный Суд РФ тяготеет к политико-правовым аргументам, выявляет юридическое содержание рассматриваемого законодательного положения «в системе действующего правового регулирования». К технико-юридической стороне решаемого вопроса он вообще не обращается, какой-либо попытки выявить логически закреплённую толкуемую им в части четвёртой ст. 261 ТК РФ правовую норму не предпринимает. Такова традиция отечественной (да и зарубежной тоже) практики правоприменения и науки.

Между тем, в развитие учения Е. В. Васьковского о правотолковании группа крымских учёных подробно исследовала логически закреплённые в актах законодательства правовые нормы, в частности те, которые при толковании обнаруживаются при помощи вывода *a contrario*, на богатом эмпирическом материале показала особенности применения правил «*lex superior derogat inferiori*», «*lex specialis derogat generali*», «*lex posterior derogat priori*» для целей разрешения коллизий между рассматриваемыми и другими правовыми нормами [7, с. 212-449]. Но в столицах, очевидно, провинциальные издания не читают. Поэтому гласом вопиющего в пустыне остаются призывы упомянутой группы авторов исследовать логически закреплённые в актах законодательства правовые нормы, осваивать их применение при разрешении юридических дел. И речь ведь не идёт о каких-то десятка-двух правовых норм. Речь идёт о правовых нормах, удельный вес которых в общем количестве правовых норм является преобладающим.

Подобной оказалась и судьба правовых норм, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при толковании при помощи вывода степени (*a fortiori*), вывода от предыдущего правового явления (от условия) к последующему правовому явлению (к следствию).

Между тем, логически закреплённые в актах законодательства правовые нормы не только являются полноценным регулятором общественных отношений, но и служат цели интеграции системы права, являются каналами связей отраслей права. Так в науке длительное время ведётся дискуссия о том, устанавливаются ли положения уголовных кодексов запреты на совершение уголовно-наказуемых деяний. Признание таких запретов и правовых норм, содержание которых указанные запреты составляют, открывает возможность для вывода от том, что в положениях уголовных кодексов текстуально закрепляются уголовно-правовые нормы, а логически закрепляются нормы других отраслей права, в том числе гражданского права. Эти правовые нормы обнаруживаются при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему. Они могут конкурировать при правоприменении с нормами административного, трудового, гражданского, финансового (налогового, бюджетного) права, поскольку и сами являются нормами, устанавливающими административные, трудо-правовые, гражданско-правовые, финансово-правовые запреты (то есть нормами административного, трудового, гражданского, финансового права). Так появляется возможность разрешения коллизий между уголовным кодексом и актами других отраслей права (но не коллизий между нормами уголовного права и других отраслей права, поскольку такие коллизии являются вообще невозможными).

Роль связующего звена между отраслями права могут выполнять и правовые нормы, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при толковании при помощи вывода «*a contrario*». Так, 30 декабря 2001 г. был принят, а с 1 июля 2002 г. введён в действие Кодекс об административных правонарушениях. Ст. 7.27 этого Кодекса устанавливала административную ответственность за хищение чужого имущества на сумму, не превышающую пяти минимальных размеров оплаты труда. При помощи вывода *a contrario* выявляется логически закреплённая в этом законодательном положении правовая норма уголовного права, в соответствии с которой с 1 июля 2002 года такие деяния больше не признаются обще-

ственно опасными, а потому и не могут квалифицироваться как преступления. Эта правовая норма логически закреплена в акте административного законодательства, но является уголовно-правовой.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи подробно описать правовые нормы, которые логически закреплены в актах законодательства, автор отсылает читателя к упомянутому выше изданию [7, с. 203-362], а здесь вынужден лишь сделать замечание о том, что учение о правовых нормах на данном этапе развития юридической науки и практики без учета правовых норм, логически закреплённых в актах законодательства, попросту утрачивают свою научную сущность.

Обращение к правоприменительному аспекту учения о правовых нормах обнаруживает необходимость углубления понимания значения гипотезы и диспозиции правовой нормы. Гипотеза правовой нормы в дополнение к месту правовой нормы в структуре соответствующей отрасли права и в дополнение к указанию на стороны правоотношений и их объект определяет сферу действия правовой нормы, которая (сфера действия) определяет соотношение соответствующих правовых норм как общей и специальной. При этом сфера действия специальной правовой нормы не должна выходить за пределы сферы действия общей правовой нормы. Единственное исключение из этого правила сводится к случаям, когда правотворческий орган сначала через структуру нормативного правового акта или через указание на объект правоотношения чётко определяет соотношение двух правовых норм как общей и специальной, а потом гипотезой специальной правовой нормы расширяет её сферу действия. Так, в соответствии с п.1 и 2 ст.401 ГК РФ должник несет ответственность за нарушение обязательства при наличии его вины в этом нарушении. Это - общая правовая норма. В соответствии со специальной правовой нормой, которая логически закреплена в п.3 ст.401 ГК РФ и обнаруживается при помощи соответствующего дискурса, лицо, нарушившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, отвечает не только за виновное нарушение обязательства, но также и за нарушение, допущенное вследствие случая. Возложением на такое лицо ответственности за нарушение обязательства вследствие случая законодатель выводит сферу действия специальной правовой нормы за пределы сферы действия общей правовой нормы. Но это не влияет на соотношение рассматриваемых двух правовых норм как общей и специальной.

Диспозиция правовой нормы определяет содержание устанавливаемого ею правила поведения (прав и обязанности сторон). А поэтому именно по содержанию диспозиций различаются общая и специальная правовые нормы. Это различие могут иметь признак контрарности, противоречия (несовместимости) или совместимости. Однако диспозиция часто выполняет и функцию определения сферы действия правовой нормы. Так, когда п.1 ст.1102 ГК РФ обязывает соответствующее лицо возратить неосновательное обогащение, то уже эта формулировка определяет контуры отношений, в рамках которых будет производиться такой возврат.

Однако различия (в соответствующих случаях – контрарность или противоречие) между общей и специальной правовыми нормами может заключаться в различии не только в содержание их диспозиций, но также и в содержании гипотез. Так, многие нормы, установленные главой 59 ГК РФ, возлагают на причинителя вреда одну и ту же обязанность возмещения этого вреда, а различаются они особыми условиями, входящими в содержание гипотез соответствующих правовых норм. Это обстоя-

тельство в науке не замечается. Поэтому О.И. Берг пишет, что при коллизии права существует «несоответствие между диспозициями... норм при совпадении их гипотез» [20, с. 24]. И эту мысль цитируют А.А. Петров и Е.Ю. Тихонравов в подтверждение собственных рассуждений [21, с. 44].

Изложенное дает основания для вывода о том, что развитие правовой системы России предполагает необходимость углубления исследования правовых норм, являющихся непосредственно действующими «клеточками» права, что позволит постепенно перейти к формированию рациональной (в противовес интуитивной) практики толкования и применения права.

Список литературы:

1. Бартошек М. Римское право: (понятия, термины, определения). – М.: Юридическая литература, 1989. – 448 с.
2. Еременко А.С. Теория и методология гражданского правоприменения. Дисс. ... доктора юрид. наук. – М., 2011. – 621 с.
3. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2018. – 100с.
4. Морозова Л.А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // LEX RUSSIA. – 2017. - №6. – С. 32 – 38.
5. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики. – М.: Проспект, 2021. – 192 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
7. Новейшее учение о толковании права/ Под ред. В.Г.Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
8. Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). – Екатеринбург, 1995. – 125 с.
9. Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы. – Львов, 1959. – 164 с.
10. Шафиров В.М. Общее учение о норме права и современное (интегративное) правоотношение// Вопросы правоведения. – 2013. - №2. – С. 81 – 101.
11. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.
12. Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение. – М., 1947. – 27с.
13. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508с.
14. Вильнянский С.И. Толкование и применение гражданско-правовых норм/методические материалы ВЮЗИ. Вып.2. – М., 1948. – с. 42-61.
15. Белов В.А. «...Выдающийся русский учёный – юрист...» / Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002, - С.7 – 41.
16. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. – Свердловск, 1972. – 192 с.
17. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М.: Юридическая литература, 1976. – 167 с.
18. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - 381с.
19. Перетерский И.С. Толкование международных договоров. – М.: Госюриздат, 1959. – 172 с.
20. Берг О.В. Некоторые вопросы теории нормы права// Государство и право. – 2003. - №4. – С. 20-27.
21. Петров А.А., Тихонравов Е.Ю. Пробелы и коллизии в праве. – М.: Проспект, 2019. – 80 с.

Zabelin D. N. The law-enforcement aspect of the doctrine of legal rules // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – P. 231-240.

The article states the results of a study on the law-enforcement aspect of the legal rules. It is recognized, that a legal norm acquires legal force precisely through the normative legal act by which it is established. But it should not be identified with a fragment of a normative text. For the purposes of law-enforcement, it is necessary to single out the "elementary legal rule" by analogy with the "elementary legal relationship", which is distinguished by N.G. Aleksandrov. The "elementary legal rule" can be singled out, going from the normative text to legal relationship, highlighting the "elementary legal relationship", and then - the "elementary legal norm". Highlighting of the "elementary legal rule" gives the opportunity of rational application of the rule "lex specialis derogat generali" in particularly. For the purposes of law-enforcement, it is also important to use notion of hypothesis and purview of a legal rules as methodological tools.

Keywords: legal rule, legal relationship, elementary legal relationship, elementary legal rule, hypothesis, purview.

Spisok literatury:

1. Bartoshek M. Rimskoe pravo: (ponyatiya, terminy, opredeleniya). – M.: Yuridicheskaya literatura, 1989. – 448 s.
2. Eremenko A.S. Teoriya i metodologiya grazhdanskogo pravoprimereniya. Diss. ... doktora yurid. nauk. – M., 2011. – 621 c.
3. Vlasenko N.A. Kollizionnye normy v sovetskom prave. – M.: Norma: INFRA-M., 2018. – 100s.
4. Morozova L.A. Problemy tipologii yuridicheskikh kollizij (sovremennaya traktovka) // LEX RUSSIA. – 2017. - №6. – S. 32 – 38.
5. Vasev I.N. Kollizionnoe pravovoe regulirovanie v Rossii: voprosy teorii i praktiki. – M.: Prospekt, 2021. – 192 s.
6. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. V dvukh tomakh. T.II. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
7. Novejshee uchenie o tolkovanii prava/ Pod red. V.G.Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
8. Malinova I.P. Filosofiya prava (ot metafiziki k germenevtiki). – Ekaterinburg, 1995. – 125 s.
9. Nedbajlo P.E. Sovetskie socialisticheskie pravovye normy. – L'vov, 1959. – 164 s.
10. Shafirov V.M. Obshchee uchenie o norme prava i sovremennoe (integrativnoe) pravootnoshenie// Voprosy pravovedeniya. – 2013. - №2. – S. 81 – 101.
11. Kel'zen G. Chistoe uchenie o prave. – SPb.: Izdatel'skij Dom «Alef-PresS», 2015. – 542 s.
12. Aleksandrov N.G. Yuridicheskaya norma i pravootnoshenie. – M., 1947. – 27s.
13. Vas'kovskij E.V. Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov. – M.: CentRYuRInfOR, 2002. – 508s.
14. Vil'nyanskij S.I. Tolkovanie i primenenie grazhdansko-pravovykh norm/metodicheskie materialy VYUZI. Vyp.2. – M., 1948. – s. 42-61.
15. Belov V.A. «...Vydayushchijsya russkij uchyonyj – yurisT...» / Vas'kovskij E.V. Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov. – M.: CentRYuRInfOR, 2002. – S. 7 – 41.
16. Cherdancev A.F. Voprosy tolkovaniya sovetskogo prava. – Sverdlovsk, 1972. – 192 s.
17. Cherdancev A.F. Tolkovanie sovetskogo prava. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. – 167 s.
18. Cherdancev A.F. Tolkovanie prava i dogovora. - M.: YUNITI-DANA, 2003. - 381s.
19. Pereterskij I.S. Tolkovanie mezhdunarodnykh dogovorov. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 172 s.
20. Berg O.V. Nekotorye voprosy teorii normy prava// Gosudarstvo i pravo. – 2003. - №4. – S. 20-27.
21. Petrov A.A., Tikhonravov E.YU. Probely i kollizii v prave. – M.: Prospekt, 2019. – 80 s.